

М.В. Пулькин
(Петрозаводск)

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРЕЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (XIX-начало XX в.)

Если хозяйственная деятельность евреев была сферой сотрудничества с местным населением¹, то поддержанию идентичности еврейских диаспор в наибольшей степени способствовала религия. Известно, что «под влиянием тяжелых испытаний, выпавших на долю русского еврейства, среди евреев усилилось стремление к национальной культуре, к родной истории, родному языку». Но в то же время усилились «ассимиляторские тенденции», проявившиеся в «увеличении числа лиц, переходящих из еврейства в православие»². С одной стороны, в еврейской среде «фиктивное крещение, позорное само по себе, являлось сравнительно редким средством в борьбе с насилием»³. С другой стороны, такой соблазн существовал. Ведь крещеные евреи «имели те же права, что и русские, и иногда делали исключительную карьеру на светской, военной и религиозной службе»⁴. Иудеи неизбежно оставались чужими для православного населения империи⁵. Более того, евреи, достигшие определенного положения в российском обществе, «как правило, переходили в православие»⁶. В литературе можно встретить упоминания об административном давлении на евреев с целью добиться крещения. Так, высочайшее повеление Николая I от 1844 г. требовало, чтобы «до поступления на государственную службу евреи крестились»⁷.

Нажим приводил к разнообразным последствиям. Так, в среде самих евреев отношение к «выкрестам» оставалось негативным. Документы зафиксировали «случаи угроз и нападения на “выкрестов”»⁸ со стороны самих евреев. Но и отношение русского сообщества к этой категории населения оставалось прохладным. Вполне обоснованным в этой связи представляется утверждение Алексея Миллера: «антииудаизм был менее развит в восточном христианстве по сравнению с католической традицией»⁹. Конкретные факты подтверждают это наблюдение. Так, в 1868 г. в Архангельске был окрещен по православному обряду Илья Подъяков, «окончивший курс наук в Житомирском раввинском училище». В связи с этим знаменательным событием духовная консистория обратилась в губернское правление с просьбой о выдаче новоявленному христианину пособия в размере 30 рублей

серебром¹⁰, что для современников, конечно же, служило явным напоминанием о предательстве Иуды. Случаи крещения евреев по православному обряду на Европейском Севере крайне немногочисленны, а само крещение постепенно становилось все менее доступным. Так, в 1913 г., Министерство внутренних дел, рассматривая вопрос о разрешении евреям, крестившимся по лютеранскому обряду, «всех прав, предоставляемых евреям, принявшим христианство», распорядилось каждый раз запрашивать разрешение министра. Само крещение дозволялось осуществлять «не прежде, как по основательном обучении их догматам принимаемого вероисповедания под особою ответственностью духовных начальников»¹¹. Тем не менее, «кое-кто пытался смягчить свою участь принятием православия»¹². Так, в 1907 г. в Вологде была крещена политическая ссыльная Сарра Дубровская, «изобличенная в революционной пропаганде». Она решилась на этот непростой шаг, будучи беременной, для того, чтобы вступить в законный брак с православным отцом будущего ребенка Н.В. Маркиным¹³.

Внезапное решение о крещении по православному обряду некоторые еврейские подростки принимали для того, чтобы избежать праведного родительского гнева. Так, в 1879 г. в Семигородской пустыни близ Вологды появился еврейский мальчик Ш. Гринберг, «изъявивший желание принять православие»¹⁴. Получив радостное известие, Вологодская духовная консистория с энтузиазмом приступила к делу. Совместно с полицейским управлением она намеревалась взять с родителей мальчика подписку в том, что «если сын их, намеревавшийся принять христианство, пожелает возвратиться к ним, своим родителям, не будут ему за то применять каких оскорблений, тем паче истязаний». Если же сын откажется возвращаться к родителям, «то и они обяжутся предоставить ему, сыну своему, полную свободу действий». Причины поступка еврейского мальчика вскоре прояснились. Как указывал в своем заявлении в Рыбинское полицейское управление мещанин П.М. Гринберг, его сын совершил дома кражу 300 рублей, а также золотых и серебряных вещей. Украденные средства он тратил в увеселительных заведениях, «говоря, что деньги эти он выиграл на билиарде», а затем «неизвестно куда скрылся». Разочарованные полицейские и чиновники консистории распорядились вернуть Ш. Гринберга в отчий дом «через полицейских служителей»¹⁵. В некоторых случаях обещание креститься в самое ближайшее время позволяло евреям оставаться за пределами черты оседлости и избежать трагедии выселения. Так, в 1913 г. вологодский губернатор предписывал полицмейстеру разрешить проживание в Вологде О.А. Заруб, готовящейся к принятию

православия¹⁶. В некоторых случаях отмечается крещение еврейских семейств без явной причины. Однако это крайне редкие, единичные свидетельства. Так, феврале 1912 г. причтом Вознесенского прихода Петрозаводского уезда «присоединены к православию» мещане из Ковенской губернии: отец семейства, его супруга и пятеро детей¹⁷.

Итак, с одной стороны, крещение оставалось непопулярным в еврейской среде способом адаптации в новой обстановке. Но, с другой стороны, точное соблюдение религиозных предписаний оставалось недостижимым идеалом. Это хорошо прослеживается по сибирским материалам. Известно, что «Сибирь внесла свои коррективы в психологию и внешность еврея. Он перестал быть набожным, редко ходил в молельню, торговал по субботам и праздникам, постов не соблюдал»¹⁸. Учитывая сходство условий сибирского и северного еврейства, можно предположить, что аналогичные закономерности проявлялись и в жизни иудеев, волею судьбы заброшенных в города Европейского Севера. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Еврейские иммигранты столкнулись в городах Европейского Севера России с необходимостью создания своих общинных институтов практически с нуля, «будучи удалены от вековых традиций, стоявших за старыми еврейскими центрами, такими, как Вильна, Люблин и Бердичев»¹⁹. Но и в этих условиях, невзирая на трудности, подавляющее большинство евреев бережно сохраняло религию своих предков. Это вполне объяснимо. «Инстинкт выживания в чуждом окружении заставлял консолидироваться вокруг некоего центра, роль которого выполняли общинные институты: молитвенные дома, духовные и хозяйственные правления»²⁰. Как известно, «своеобразие еврейского народа состояло в том, что в течение веков религия являлась для него первой по значению, колоссальной по действию социальной силой»²¹, а раввины нередко выступали посредниками между властью и общиной в решении значимых вопросов²². Повсеместно за чертой оседлости небольшие группы евреев стремились создавать религиозные общины. Так, в 1870-е гг. евреи Нижнего Новгорода, стали добиваться «права на создание общины, аналогичной той, к которой они привыкли в черте оседлости»²³. Во второй половине 1860-х гг. в большинстве сибирских губерний (Томской, Иркутской, Енисейской) уже были открыты синагоги и молитвенные дома, где состояли «казенные» раввины²⁴. Иногда из-за дефицита подготовленных в богословском отношении иудеев должности раввинов занимали случайные люди. Так, по ироническому утверждению историков сибирского

еврейства, «наибольшая заслуга первого иркутского раввина была в том, что он брал с общества в целом недорого»²⁵.

Религиозная жизнь быстро растущих численно и географически расширяющихся еврейских сообществ стала объектом законодательной регламентации. По закону евреи определялись как инородцы, «в то время как иудаизм, подобно всем нехристианским религиям, рассматривался как иностранное исповедание»²⁶. Устав духовных дел иностранных исповеданий позволял евреям «отправлять общественные молитвы и богомолие» исключительно «в особых зданиях, для сего определенных». Каждое «молитвенное сообщество» евреев обязывалось избирать «правление», состоящее из раввина, старосты и казначея. В обязанности раввина входило «объяснять в известных случаях сомнения, касающиеся богомоления и обрядов веры», «совершать обряды обрезания и наречения имен младенцам, бракосочетания и расторжения браков». Он являлся «блюстителем и толкователем еврейского закона» и то же время был обязан «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам и установленным властям». Староста наблюдал за порядком в синагоге, собирал добровольные пожертвования. Казначей вел приходорасходные книги. Там, где бедность евреев не позволяла им иметь особого раввина, по закону разрешалось «причисляться к ведомству раввина ближайшего города»²⁷. На практике перечисленные должности в еврейской общине сближались. Так, в 1874 г. с марта по август должность архангельского раввина исполнял староста еврейского общества И.И. Винер²⁸. Начиная с 1915 г. в связи с отъездом архангельского раввина М.Г. Сереброкаменя его обязанности исполнял староста еврейского молитвенного дома А.Ш. Липский²⁹. Современники событий утверждали, что именно староста был «законным представителем всей общины». Им мог стать «человек богатый, со связями в обществе и административном мире, короче говоря, кто-нибудь из купцов»³⁰.

Закон о еврейских общинах действовал на всей территории Российской империи. Повсеместно еврейские сообщества рассматривались местной властью как «частные учреждения, существующие с разрешения правительства, действующие под контролем городских управ и осуществляющие свои религиозные и благотворительные цели на частные средства, добываемые сборами пожертвований и раскладкой между членами своего общества»³¹. Вполне объяснимо поэтому, что на всем пространстве Европейского Севера России поведение еврейских сообществ характеризовалось сходными чертами. Наиболее ранние свидетельства о

формировании еврейской общины связаны с Архангельском. Известно, что иудейская община, состоящая из купцов, существовала здесь еще в XVII в., но еврейское сообщество старалось жить скрытно. Тем не менее, от этого периода в Архангельске осталось старое еврейское кладбище³². Первое упоминание о еврейской молитвенной общине в Архангельске, судя по документам полицейского управления, относится к 1828 г.³³. До 1857 г. в городе существовало два еврейских общества и два раввина из числа военнослужащих: в морском и в сухопутном ведомствах. Раввинов в этот период избирали из числа военнослужащих по приказу командира и с учетом мнений верующих: «по желанию всех евреев нижних чинов»³⁴.

Дальнейшее развитие еврейских общин в городах Европейского Севера России связано с судьбами евреев-военнослужащих, для которых периодически избирали казенного раввина. Можно сказать, что, негативно относясь к еврейским сообществам, время от времени выдвигая в их адрес обвинения в ритуальных убийствах, власти вынуждены были заботиться о формировании и полноценном существовании еврейских религиозных общин. Эта забота связана с судьбами евреев-военнослужащих, волею начальства отправленных для прохождения воинской службы в гарнизоны северных городов. Лишь в дальнейшем, в 1880-1890 гг., иудейские общины стали пополняться приезжими евреями, имеющими разрешение на проживание за пределами черты оседлости и намеревающимися сохранять в новых условиях древнюю веру своих отцов. Так, в Архангельске первая синагога появилась лишь в 1899 г.: она была возведена на средства купца И. Биндера³⁵.

Религиозная жизнь еврейских сообществ сталкивалась с серьезными трудностями. Отсутствовала планомерная подготовка раввинов, возникали непреодолимые трудности при открытии синагог, затруднялось приучение подрастающего поколения к еврейским традициям и нормам жизни, сохранение языка. Доказательством здесь может ряд дел. Первое из них связано с Петрозаводском и датировано 1860 г. — временем, когда местная недавно сформировавшаяся еврейская община впервые начала отстаивать свои права. В этом году, вероятнее всего, по просьбе своих подчиненных, командир петрозаводского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Харитонов составил рапорт, в котором указывал, что во вверенном ему батальоне число евреев составляет около 200 человек. По закону они за отсутствием синагоги могут собираться для молитвы «в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина»³⁶. Такой порядок некоторое время соблюдался: «место для их

молитвенных собраний было указано в казарме второй роты». Но марте 1858 г. по распоряжению корпусного командира евреи лишились возможности собираться для молитвы и теперь «совершенно лишены возможности собраться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв, не только в дни суббот, но даже и в главные годовые их семь праздников» и поэтому «беспрерывно просят <...> об отводе им места для общего собрания»³⁷.

Губернское правление, рассмотрев рапорт, вынесло негативное заключение. В Петрозаводске, указывалось в журнале правления, «помещений для молитвенных собраний евреев не назначено, а также никаких сумм для сего не ассигновано», поскольку устройство синагог, молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев»³⁸. В то же время губернское правление позволяло гарнизонному начальству «сделать распоряжение об отводе особого дома», где можно «допустить временное молитвенное собрание»³⁹. Проблема была решена лишь в 1868 г.: служащие в Петрозаводском батальоне евреи «приобрели покупкою дом с землею», который передали в собственность своего воинского подразделения для того, чтобы вести постоянное богослужение. Как говорилось в составленных по этому случаю документах, «если же случится так, что в батальоне не будет состоять на службе ни одного еврея, то батальон имеет право продать этот дом». Вырученные за него деньги предполагалось «разделить между беднейшими жителями города Петрозаводска еврейского закона, по усмотрению самих евреев»⁴⁰.

Евреи, служащие в городских гарнизонах, вообще нередко становились основой для формирования еврейских общин в городах Европейского Севера. Так, в документах Вологодского губернского правления сохранились свидетельства о существовании в Вологде еврейской общины начиная с 1840-х гг. При этом известно, что местное военное начальство в течение ряда лет выдавало военным служащим иудеям деньги «на наем отдельного помещения для молитвословий на время двух праздников: Пасхи и Кущи». Затем деньги выделять перестали, но для богослужений «по распоряжению командира батальона полковника Озерова было отведено помещение в казарме». Вскоре предоставленное воинским начальством помещение оказалось слишком тесным. Тогда евреи «стали нанимать отдельное помещение в частных домах на свой счет». Таким путем в Вологде появился еврейский молитвенный дом «без всякого разрешения со стороны как гражданских, так и военных властей»⁴¹. Иудаистские религиозные обряды, в частности, обрезание, с 1857 по 1873 г. исполнял «за неимением казенного раввина» местный еврей мещанин Я.Т. Куперштейн; он же

вел метрические книги. Судя по прошению евреев отставных солдат Вологодского батальона, составленному в 1892 г., еврейские обряды «отправлялись при молитвенном еврейском доме исправно»⁴². Однако в дальнейшем богослужение и исполнение треб по невыясненным причинам прервалось.

Примером возникновения искусственных сложностей в деле осуществлении иудейских обрядов может послужить дело Ицко Гуревича, длительное время исполнявшего обязанности раввина и учителя еврейской грамоты в Петрозаводске. Для совершения богослужений евреи, имеющие право проживания в Петрозаводске, приобрели дом, в котором разместилась моленная. Из-за отсутствия казенного раввина они избрали на эту должность виленского мещанина Ицко Гуревича, которого считали «по образу жизни и способностям своим» «вполне достойным этого звания». Немаловажным критерием выбора стало наличие у него необходимой квалификации: у Гуревича имелось «на право исполнения духовных треб по еврейскому закону от казенного раввина свидетельство»⁴³. Нанятый петрозаводскими евреями Гуревич в течение девяти лет совершал бракосочетания, обрезания младенцев и другие обряды не только в губернском городе, но и в других городах Олонецкой губернии, «где в уездных командах состоят на службе женатые нижние чины из евреев и у которых рождаются дети»⁴⁴. Все это время Гуревич жил за счет «еврейского общества» и пользовался в нем заслуженным уважением.

Решение начальства о высылке такого подготовленного и авторитетного в еврейской среде человека вызвало серьезное недовольство петрозаводских евреев. В своем прошении они указывали: «за выбытием Гуревича из города Петрозаводска и по неимению в среде нашей такого человека, который бы по способностям своим занял его место, мы должны будем остаться без исполнения необходимых духовных треб по еврейскому закону». Евреи просили оставить Гуревича в Петрозаводске «в том внимании, что по неимению в городе Петрозаводске казенного раввина мы заменяющего его обязанность содержим за собственный свой счет, как равно за собственный свой же счет нанимаем и дом для моленны, не требуя ни от казны и ни от города особого для сего по закону положенного помещения»⁴⁵. Однако перед лицом начальства еврейское сообщество не проявило сплоченности. Здесь сработала общая для многих еврейских общин закономерность: «резники, совершавшие убой скота и птицы в соответствии с ритуальными предписаниями, часто служили своеобразным громоотводом для религиозных и социальных противоречий»⁴⁶. Группа евреев — петрозаводских мещан подали прошение, в котором указывали, что «общество их

заключается из немалого числа лиц, в особенности нижних воинских чинов из евреев». В соответствии с их традициями, «требуемое в пищу мясо должно употребляться чрез особого из их же сословия так называемого резака». Кандидатура на эту должность обнаружилась быстро: «прибыл в Петрозаводск еврей виленский мещанин Ицко Гуревич и изъявил перед обществом согласие заступить должность резака с прочими обрядами. Его приезд оказался кстати: «он, Гуревич, был к тому допущен, и еврейское общество просило губернское правление разрешить Гуревичу остаться на жительство в Петрозаводске для исполнения обязанности резака». Но теперь «означенный Гуревич сделался для многих членов еврейского общества совершенно бесполезным: он устроил в квартире своего жительства особое заведение под названием “учильня” и заготовленные для общества мясо и рыбу отсылает для распространения в разные селения, где только евреи проживают». Между тем «по закону их евреев всякий из членов их общества имеет неотъемлемое право исправлять обязанности резака со всеми к оному обрядами». Поэтому «в Гуревиче, как бесполезном для общества лице, никакой надобности не имеется»⁴⁷. Постановление губернского правления о высылке Гуревича податели прошения признали правильным и удивлялись почему «распоряжение это неизвестно по каким уважительным причинам остается без исполнения в продолжение уже трех с половиной лет».

Опираясь на это прошение самих евреев, губернское правление потребовало от Гуревича немедленно покинуть Петрозаводск, а от полиции — принять меры к его выселению. В свою очередь, местная полиция вступилась за Гуревича, указав, что у него имеется законный паспорт и свидетельство о знании им ремесел точильщика и шлифовальщика. «За сим, — говорилось далее в документе, — по мнению полиции не позволять Гуревичу жительство в Петрозаводске невозможно». Оказалось, что Гуревич хорошо подготовлен во многих отношениях: у него имелось свидетельство в том, что он действительно точильщик и шлифовщик, выданное ремесленной управой, раввин города Люцина «письменно удостоверил», что Гуревич «хорошо знает, согласно еврейского религиозного закона, искусство резания крупного и мелкого скота и птицы на кошер». Этот же раввин «испытывал его Гуревича в религиозных еврейских законах, относящихся к обряду резания скота на кошер, и он оказался изустно знающим это дело»⁴⁸. Местный врач Андрусевич придерживался аналогичной точки зрения. Он отмечал подготовленность Гуревича в деле обрезания еврейских младенцев: «он в продолжение десятилетия занимается по своему закону обрезанием у новорожденных евреев; операцию эту неоднократно производил под наблюдением

его, врача, весьма искусно. Подобный человек при многочисленном населении евреев в городе Петрозаводске не только полезен, но и необходим»⁴⁹.

Однако в 1872 г. ситуация для карельских евреев изменилась в худшую сторону. Это проявилось в принудительной высылке Гуревича из Петрозаводска. Как говорилось в документах этого органа власти, высылка необходима «по поводу того, что он не занимается здесь никаким мастерством, хотя он и знает точильное мастерство, но как будучи избранным к исполнению обязанностей раввина и к обучению детей еврейской грамоте, то потому оставил означенное занятие». После этого события местные евреи буквально забросали начальство своими прошениями, в которых указывали на недопустимое состояние дел в их общине. Они указывали, что в Петрозаводске нет «казенного» раввина (утвержденного правительством). Его обязанности исполнял Ицко Гуревич. В частности, он занимался богослужением в молитвенном доме в праздничные и другие дни, бракосочетаниями, обрезанием младенцев мужского пола, выдачей метрических свидетельств о родившихся, бракосочетавшихся и умерших. За совершение обрядов каждый еврей-петрозаводчанин платил «по мере возможности»⁵⁰. Все прошения оказались тщетными: вскоре Гуревич покинул Петрозаводск.

К 1876 г. ситуация стала критической. Как сообщал Олонецкому губернскому правлению Петрозаводский городской голова, «в среде немалого числа евреев, проживающих в городе Петрозаводске, существует такой порядок: если рождается дитя, то делающий обрезание по закону Моисееву выдает в совершении этого обряда свидетельство родителям». Это свидетельство «служит удостоверением времени рождения». В случае утраты свидетельства «самое определение лет фактически уже остается невозможным навсегда». Поэтому, пользуясь случайной или преднамеренной утратой документа, «одни из евреев легко смогут избежать исполнения воинской повинности, ныне вновь введенной, а другие — нести повинность, не подлежащую выполнению по летам». Некоторые, «незаписанные в книгах рожденными», «могут легко присвоить себе из каких-либо личных интересов чужое имя». Между тем иногородний раввин «лишен возможности часто бывать в Петрозаводске для наблюдения, так как проезд его сопряжен с расходами, на которые ему от казны ничего не ассигнуется». Отсутствие метрических свидетельств негативно сказывается и на судьбах евреев: «желающему устроить детей своих на воспитание в учебное заведение, невозможно ниоткуда получить метрическое свидетельство, а без такового дети не принимаются в заведения»⁵¹. В создавшейся сложной ситуации пришлось

обращаться к «надлежащему начальству». Департамент Духовных дел иностранных исповеданий МВД, к которому обратился олонецкий губернатор, также не смог принять решение. Как сообщалось в ответном письме, запрос «передан в учрежденную при МВД Комиссию об устройстве быта евреев»⁵².

Новые подробности, связанные с еврейской религиозной жизнью в Петрозаводске, становятся известны из прошения проживающих в Петрозаводске евреев, составленного в 1877 г. Как указывали в составленном ими документе евреи, «в Петрозаводске находится всех нас обоего пола на настоящем жительстве до 150 человек, кроме воинских нижних чинов, евреев же, служащих в губернском батальоне, и до 150 человек в городах и в уездах Олонецкой губернии, так что всех около 300 человек». Своего раввина в губернии нет, «и средств для содержания раввина тоже». Ранее все необходимые обряды исполнялись «из нашей среды человеком, знающем в теоретическом и практическом отношениях» (имелся в виду Гуревич), но теперь такая возможность утрачена. Между тем необходимость в раввине или его помощнике назрела. Евреи указывали на те обстоятельства, которые явным образом подстегивали решение вопроса. Во-первых, это метрические книги, вести которые должен еврейский священнослужитель: «в настоящее время у некоторых из нас родились дети мужеского пола, над которыми обряд обрезания, как бы следовало по закону Моисееву, на восьмой день не исполнен» и даже «имена им не наречены». Во-вторых, «может встретиться важный случай, например, кто-либо умрет; кто же тогда исполнит последний долг погребения над умершим?».

Вызывать раввина из другого города, говорилось далее в документе — «вещь немислимая». Никто не согласится ехать по причине удаленности города от еврейских центров и черты оседлости, средства для оплаты проезда отсутствуют. Наконец, сам путь займет слишком много времени: «если кто умрет, не ждать же приезда раввина для погребения умершего, а кроме раввина никто не имеет права совершить обряд погребения». Для решения всех этих проблем евреи просили «причислить всех нас евреев, проживающих в Олонецкой губернии, относительно исполнения обрядов к Санкт-Петербургскому раввину доктору философии Драпкину», с тем, чтобы он сделал своим помощником виленского мещанина И. Гуревича, «возложив на него ведение метрических и других нужных по сему предмету книг». Со своей стороны, раввин Драпкин успел сообщить петрозаводским евреям, что «зная Гуревича, согласен зачислить его своим помощником с тем, если на это не будет препятствий со стороны олонецкого губернского начальства»⁵³. Одновременно отдельное прошение в адрес

губернатора составил Л. Альшиц. Он сообщал, что недавно у него родился сын. Обряд обрезания, как следовало по еврейской традиции, здесь совершить некому, «а потому и имя ребенку не наречено». В дальнейшем обряд станет более болезненным и даже небезопасным, в то же время «грешно и даже неприятно, что дитя без обрезания».

Отвечая на эти прошения, губернское правление указало на принятые ранее решения. Указывалось, что прежде прошение о проживании И. Гуревича рассматривалось губернским правлением, и по делу было вынесено негативное заключение, «так как еврей Гуревич не имеет никаких прав на отправление здесь раввинских обязанностей и так как по показанию самих же евреев религиозные обряды, за неимением раввина, могут быть исполняемы всяким евреем». Численность евреев, проживающих в Петрозаводске, недостаточна для того, чтобы местное начальство могло позволить избрание раввина. Согласно закону, численность евреев должна достигать 1000 человек. При этом многие из просителей проживают в городе временно и «не могут составлять здесь из себя какого-либо постоянного общества». Поэтому решение оказалось негативным: «означенные просьбы евреев оставить без удовлетворения»⁵⁴.

Похожие проблемы возникли в другом городе Олонецкой губернии, также обладающем значительным еврейским обществом, — Вытегре. Судя по прошению местного «еврейского общества», численность евреев здесь достигла к 1870-м гг. тридцати семейств. «Между тем, — говорилось далее в документе, — у нас не имеется узаконенной метрической книги, что может привести к недоразумениям». Евреи сами «заготовили на записку родившихся, умерших и бракосочетавшихся надлежащую книгу», которую представили в полицейское управление. Для оформления документов и совершения обрядов они просили «допустить к исправлению должности казенного раввина резака О.А. Штерензата, «как человека, избранного нами, и который пользуется доверием нашего общества»⁵⁵. Решение одной части еврейского общества вызвало тревогу и озабоченность у другой. Сопrotивляющиеся назначению казенного раввина евреи, вероятнее всего, были обеспокоены необходимостью оплачивать труд раввина и нести другие расходы, связанные с функционированием еврейской религиозной общины. Они ссылались на малочисленность вытегорских евреев, отсутствие как согласия на избрание раввина в еврейской среде, так и необходимого образования у претендента на должность. В итоге решение Олонецкого губернского правления на неопределенное время отложило появление казенного раввина в

Вытегре. Как говорилось в резолюции, «прошение проживающих в Вытегре евреев оставить без разрешения»⁵⁶.

В Архангельске в начале 1870-х гг. избрание раввина также столкнулось с существенными трудностями. В 1871 г. местные евреи, отставные и бессрочно отпускные рядовые, «составляющие архангельское еврейское молитвенное общество», избрали на должность раввина местного жителя Вениамина Хацкелевича. В числе достоинств кандидата на должность они указывали безупречное поведение, хорошее знание русского и еврейского языков. Рассмотрение этого вопроса в губернском правлении дало негативный результат. Указывая, что евреи вполне могут по закону собираться для молитвы «в указанных местах под наблюдением благонадежного товарища, избранного ими для отправления должности раввина», губернское правление ссылалось на данные полиции. Полицейское управление обвинило кандидата на должность раввина в скупке краденых вещей, а само собрание было объявлено неправомочным из-за небольшого числа участников. В итоге архангельские евреи на длительное время остались без раввина⁵⁷.

В конце 1870—1890 г. в городах Европейского Севера начали формироваться стабильные еврейские общины, которые активно отстаивали свои права на регулярное отправление религиозных обрядов. Из-за большого числа евреев-политических ссыльных, длительное время проживающих в Архангельской губернии, иудейские общины появлялись даже в небольших городах. Так, в 1870 г. пинежский уездный исправник установил, что во вверенном ему городе состоит «частью под надзором полиции, частью на жительстве» 28 евреев обоего пола, «обязанных по религиозному закону своему собираться от времени до времени в одно место для отправления общественных молитв и богомолений». Исправник ходатайствовал перед губернатором о разрешении пинежским евреям избрать раввина и собираться для богослужений. Ответ, полученный из Архангельска, оказался положительным. Как видно из журнала Архангельского губернского правления, евреям разрешили «собираться в одном из домов, занимаемых ими», «под наблюдением благонадежного товарища, которого представить им избрать для отправления должности раввина»⁵⁸. Обнадеженные этим успехом, пинежские евреи в 1872 г. обратились к начальству с новой просьбой. В небольшом городе, утверждали они, находится 29 еврейских семейств. По «еврейскому закону» они нуждаются в особой бане, «без которой они, в особенности женский пол и преимущественно зимою, до крайности стеснены». Однако здесь решение оказалось отрицательным. Губернатор приказал передать

евреям, что они «не составляют и не могут составлять какого-либо отдельного общества, а проживают в городе Онеге на исключительном положении и постоянной оседлости в Архангельской губернии иметь не могут»⁵⁹.

Избрание раввина и начало богослужений в Пинеге проложило путь для формирования иудейских общин в других малых городах Архангельской губернии. В 1875 г. евреи, проживающие в городе Онеге, избрали раввином местного ссыльного Цигеля Фишера «для исполнения им религиозных обрядов» и ведения метрических книг. В Холмогорах обязанности раввина исполнял Хаим Либерман, в Шенкурске на эту должность «избран из среды евреев Лейба Надецкий, в Кеми вел метрические книги, совершал обряды и выполнял прочие обязанности раввина П. Лейдервудер⁶⁰. В городе Коле раввина не было, и единственный проживающий в ней еврей Савич со своим семейством «исполнял молитвословие» в своей квартире⁶¹. В 1874 г. при избрании раввина в городе Мезени «еврейское общество» раскололось на две «партии», каждая из которых предлагала собственного кандидата. В итоге вопрос решило губернское правление, избрав из двух претендентов того, которого поддержало большинство местных евреев⁶².

Далеко не везде деятельность раввинов протекала гладко и безмятежно. Сказывались непростые условия, в которых приходилось действовать: ощущение отверженности и тяжелые экономические обстоятельства. В 1877 г. вспыхнул спор между новоизбранным раввином Холмогор Х. Либерманом и местным «еврейским сообществом». Раввин в своем прошении на имя архангельского губернатора обращал внимание на добропорядочное, несмотря на полное отсутствие оплаты, исполнение своих обязанностей: «... строго следя за соблюдением наших обрядов, мне редко удавалось, после больших усилий, собрать находящихся на жительстве в городе Холмогорах евреев на моление в шабаш и на молебны». Истоки своих неудач Либерман видел в положении ссыльных: «Они здесь сосланы на жительство и не желают строго соблюдать обряды». Усердие в исполнении обязанностей, по утверждению Х. Либермана, стало причиной конфликта: «После неоднократных увещаний с моей стороны, я, наконец, увидел, что старания мои совершенно напрасны, и что я своими увещаниями только вооружил против себя своих единоверцев»⁶³. Последнее утверждение оказалось верным. Вскоре на имя губернатора поступило прошение от «сосланных на жительство» холмогорских евреев с жалобами на Х. Либермана. Как говорилось в их прошении, они наняли раввина, чтобы тот осуществлял «предписанные иудейским законом службы, молебны и другие

требы». Однако вместо всего этого Либерман занялся «пьянством, развратом, кляузами и возбуждением дел, от чего утруждает начальство и не только в нашем еврейском обществе делает вред, но и местным жителям». Евреи просили удалить этого «вредного члена» в г. Мезень.

Холмогорский исправник, к которому архангельский губернатор обратился за разъяснениями, поддержал «еврейское сообщество». Как говорилось в рапорте, «ропот их совершенно основателен», поскольку Либерман «не только в самом деле уклоняется от своих обязанностей, и отказывается от исполнения треб, положенных законом иудейским, но к тому же личность весьма сомнительного поведения и неблаговидного образа жизни». Конфликт между ним и сосланными на жительство евреями исправник считал виной исключительно Х. Либермана: «Сосланные здесь евреи люди все не образцовой нравственности, и потому не трудно составить понятие о личности Либермана, если даже эти последние отвернулись от него, прекратив с ним всякие сношения»⁶⁴. Итог рассуждений исправника оказался вполне предсказуемым: «ходатайство евреев заслуживает внимания, а затем и удовлетворения». Так и произошло: по резолюции губернатора Х. Либерман был отстранен от исполнения должности раввина, а евреи получили право «избрать из среды своей для исполнения обязанностей раввина другого более благонадежного еврея»⁶⁵. Оставаться длительное время без наставника холмогорские евреи не могли, и местное начальство поддержало поиски нового раввина. В апреле 1878 г. полицейский надзиратель Холмогор пригласил к себе в квартиру некоторых проживающих в городе евреев и предложил им избрать вместо Либермана нового раввина, «благонадежного еврея», способного вести метрические книги и исполнять необходимые обряды. Все собравшиеся единогласно избрали состоящего под надзором полиции Ицко Каранта, который впоследствии был утвержден на эту должность губернатором⁶⁶.

В 1888 г. наступил черед губернского города: архангельские евреи, собравшись в синагоге, приняли решение найти «законного раввина». Для оплаты его услуг евреи обязывались ежемесячно собирать 60 рублей в том случае, если раввин примет на себя обязанности резака и 40 руб. в том случае, если кандидат на должность согласится выполнять лишь обязанности раввина. Обращение евреев к петербургскому раввину Драпкину принесло желаемый результат. Готовность стать архангельским раввином, как видно из его письма, адресованного архангельскому полицмейстеру, изъявил С.Х. Бейлин, купеческий сын, бывший студент Харьковского университета⁶⁷. В 1905 г. «архангельское еврейское общество» без особых проблем избрало на должность

раввина другого своего представителя — помощника провизора Ю.З. Трейваса. Новоявленный раввин обязывался заниматься совершением обрядов, ведением метрических книг «без особой платы», а община евреев обязывалась ежемесячно платить ему вознаграждение и «по вознаграждению его не злоупотреблять»⁶⁸. После этого религиозная жизнь евреев в Архангельске достигла определенной стабилизации. В документах сохранились свидетельства об уважительном отношении властей, как местной, так и центральной, к еврейским религиозным праздникам. Так, в 1915 г., в соответствии с телеграммой МВД, губернатор распорядился «разрешить евреям оставаться в городе Архангельске на двое суток в виду наступающего еврейского праздника»⁶⁹.

Видя успешное решение непростой проблемы поиска раввина в соседней губернии, вологодские евреи возлагали большие надежды на архангельскую общину. Рассмотрение вопроса о религиозной жизни еврейской общины Вологды относится к 1893 г. Проживающие в Вологде евреи подали в губернское правление прошение, в котором, «ссылаясь на малочисленность и бедность вологодского еврейского общества», ходатайствовали о причислении их к ведению архангельского раввина. Вологодское начальство, рассмотрев документ, вынесло отрицательное заключение. Как выяснилось, в числе подающих прошение имелись и те евреи, которые проживали за чертой оседлости временно. Второй причиной для отказа стали дальние расстояния: город Архангельск находится слишком далеко от Вологды. Следовательно, «для архангельского раввина представляется видимая невозможность за дальностью расстояния в особенности в зимнее время, в делах веры удовлетворять потребностям вологодского еврейского общества и лично совершать почти постоянно требующиеся их религиозные обряды»⁷⁰.

В 1894 г. вологодское губернское начальство вновь обратилось к актуальной проблеме существования еврейского молитвенного дома. Вопрос на этот раз решался положительно. Как говорилось в адресованном губернатору предписании департамента духовных дел, вологодским евреям разрешалось «с тем, чтобы проживающие в городе Вологде евреи, не имеющие возможности по малочисленности и бедности содержать особого раввина, для исполнения духовных треб и исполнения обрядов веры приглашали раввина из еврейской молельни в городе Рыбинск». В соответствии с этим предписанием в Вологде появился еврейский молитвенный дом, и начальство озаботилось формированием еврейского «особого правления», в соответствии с российским законом⁷¹. К 1908 г. относится первое упоминание в

материалах делопроизводства об избрании раввина для Вологды и Вологодской губернии. По решению Еврейского молитвенного общества, утвержденному губернатором, им стал провизор местной аптеки Е.А. Гейльперин⁷².

В этот же период отмечается стабилизация религиозной жизни в Олонецкой губернии. В 1900 г. Строительное отделение Олонецкого губернского правления утвердило план строительства в Петрозаводске «молитвенного дома» для местных евреев. Как говорилось в документах губернского правления, «при рассмотрении в строительном отделении губернского правления проекта на постройку в Петрозаводске еврейского молитвенного дома оказалось, что проект составлен правильно и одобряется»⁷³. Из других городов Олонецкой губернии заметной религиозной жизнью иудеев выделялась Вытегра. В 1897 г. местные евреи озаботились состоянием дел в их местной общине. Вытегорский мещанин Лейба Парийский, обращаясь к олонечкому губернскому правлению, сообщал, что в его городе, как и во всей Олонецкой губернии, отсутствует раввин и поэтому невозможно получение метрических свидетельств⁷⁴. Решение вопросов, связанных с организацией вытегорской еврейской общины, связано с началом XX в. В 1901 г. вытегорский земский фельдшер и одновременно староста местной еврейской общины Моисей Люри. В прошении указывалось, что молельня расположится на месте дома, в котором «открытие этой молельни разрешено его превосходительством и министром внутренних дел», а проект ранее представлен в строительное отделение при Олонецком губернском правлении и получил поддержку архитекторов⁷⁵. Для окончательного утверждения проекта и начала строительства требовался приговор местной еврейской общины и соответствующий документ вскоре появился. Местные иудеи постановили «возбудить перед строительным отделением Олонецкого губернского правления ходатайство от имени вытегорской еврейской общины о разрешении построить новую молельню средствами общины по плану, представленному в губернское правление земским фельдшером М. Люри»⁷⁶. В 1905 г. Строительное отделение Олонецкого губернского правления утвердило план вытегорской синагоги⁷⁷.

Таким образом, изучение множества имеющихся дел показывает, что судьба каждого отдельного представителя еврейского народа становилась головной болью для деятелей местной власти за чертой оседлости. С огромными трудностями было связано определение законодательных норм, на основании которых следовало действовать. Эти нормы постоянно менялись, противоречили друг другу.

Существенные трудности возникали при выяснении рода занятий евреев. Многие из них занимались целым рядом ремесел и имели разные источники дохода. При этом одни источники доходов были запрещены евреям, а другие разрешены. Отсюда проистекали серьезные трудности в решении духовных вопросов. Так, сложным оставался вопрос о деятельности раввинов или тех лиц, на которых возлагалось совершение религиозных обрядов. Их деятельность была необходима, по крайней мере, для записи актов гражданского состояния, однако находиться таким лицам за пределами черты оседлости категорически запрещалось. В то же время ограничительные меры в отношении евреев привели к существенным положительным моментам в их религиозной жизни. Общины, находящиеся за чертой оседлости, постоянно «подпитывались» выходцами из тех частей Российского государства, где проживание евреев было разрешено. Благодаря этому непрерывному процессу для евреев оказывалось вполне возможным наладить полноценную религиозную жизнь в любом городе Европейского Севера. Тем не менее, конфликтов избежать не удавалось. Все это в совокупности приносило многочисленные неприятности обеим сторонам: самим евреям и тем, кто по долгу службы решал их судьбы.

Примечания

¹ Пулькин М.В. Еврейское население Европейского Севера: проблемы социального конструирования (конец XIX-начало XX в.) // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 279—298.

² Войтинский В.С., Горништейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 68.

³ Дубнов С.М. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М., Пг., 1923. Кн. 1. С. 68.

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 1. С. 31.

⁵ Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М., 1992. С. 100.

⁶ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII—начале XX в. СПб., 2007. С. 122.

⁷ Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2005. С. 77.

⁸ Соболевская О. Социальное и индивидуальное в мире еврейской культуры. Беларусь, конец XVIII—первая половина XIX в. Проблемы еврейского самосознания. М., 2004. С. 117.

⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 119.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО), ф. 4, оп. 10, т.1, д. 41, л. 1.

¹¹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 2, оп. 21, д. 60/1147, л. 8 (Циркуляр МВД).

¹² Пудалов Б.М. Евреи в Нижнем Новгороде: XIX-начало XX в. Нижний Новгород, 1998. С. 11.

¹³ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО), ф. 18, оп. 2, д. 2789, л. 1, 22, 24.

¹⁴ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 825, л. 13.

¹⁵ Там же, л. 14.

¹⁶ Там же, д. 1244, л. 41.

¹⁷ О присоединении к православию // Олонекские епархиальные ведомости. 1912. № 8. С. 156.

¹⁸ Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX-начале XX в. Омск, 2004. С. 121.

¹⁹ Натанс Б. Указ. соч. С. 164.

- ²⁰ *Галашова Н.Б.* Внутренние противоречия как фактор развития еврейских общин Томской губернии (конец XIX-начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Красноярск, Барнаул, 2005. Вып. 9. С. 35.
- ²¹ *Изгоев А.С.* Национальные и религиозные вопросы в современной России. // Русская мысль. 1908. Кн. V. С. 129.
- ²² *Галашова Н.Б.* Указ. соч. С. 35.
- ²³ *Пудалов Б.М.* Указ. соч. С. 27.
- ²⁴ *Клюева В.П.* Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX-начало XX в.): скандалы и проблемы // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Красноярск, 2005. Вып. 9. С. 42.
- ²⁵ *Войтинский В.С., Горништейн А.Я.* Указ. соч. С. 263.
- ²⁶ *Натанс Б.* Указ. соч. С. 92.
- ²⁷ Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 11: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 197—201.
- ²⁸ ГААО, ф. 4, оп. 11, д. 678, л. 16 (Протокол допроса старосты еврейского общества)
- ²⁹ Там же, ф. 37, оп. 1, д. 4205, л. 11 (Журнал Архангельского губернского правления).
- ³⁰ *Войтинский В.С., Горништейн А.Я.* Указ. соч. С. 223.
- ³¹ НА РК, ф. 30, оп. 2, д. 13/193, л. 10, об.—11 (Определение Петрозаводского окружного суда).
- ³² *Шалятин С.О.* Религиозная ситуация на Русском Севере в исторической перспективе (XIII-XIX вв.) // Религиозная жизнь Архангельского Севера: история и современность. Архангельск, 1997. С. 19.
- ³³ ГААО, ф. 4, оп. 10, т.1, д. 146.
- ³⁴ Там же, ф. 4, оп. 11, д. 678, л. 33.
- ³⁵ *Шалятин С.О.* Указ. соч. С. 19.
- ³⁶ НА РК, ф. 2, оп. 4, д. 15/318, л. 1—1, об.
- ³⁷ Там же, л. 1, об.
- ³⁸ Там же, ф. 1, оп. 24, д. 10/10, л. 19.
- ³⁹ Там же, ф. 2, оп. 4, д. 15/318, л. 4—5 (Журнал Олонецкого губернского правления).
- ⁴⁰ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 46/194, л. 80—81 (Приговор нижних чинов еврейского закона Петрозаводского батальона).
- ⁴¹ ГАВО, ф. 130, оп. 1, д. 758, л. 55, об.
- ⁴² Там же, л. 56.
- ⁴³ НА РК, ф. 2, оп. 2, д. 1/16, л. 2 (Докладная записка служащих в Петрозаводском губернском батальоне нижних чинов и проживающих в городе Петрозаводске отставных и отпускных еврейского закона).
- ⁴⁴ Там же, л. 2, об.
- ⁴⁵ Там же, ф. 2, оп. 2, д. 1/16, л. 3.
- ⁴⁶ *Натанс Б.* Указ. соч. С. 167.
- ⁴⁷ НА РК, ф. 2, оп. 2, д. 1/16, л. 24.
- ⁴⁸ Там же, л. 28.
- ⁴⁹ Там же, л. 28, об.
- ⁵⁰ Там же, л. 30.
- ⁵¹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 10/270, л. 1—2.
- ⁵² Там же, л. 12.
- ⁵³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 10/275, л. 1—2, об. (Прошение евреев, проживающих в Петрозаводске).
- ⁵⁴ Там же, л. 8-9, об. (Журнал Олонецкого губернского правления).
- ⁵⁵ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 10/270, л. 18 (Прошение Еврейского общества города Вытегры).
- ⁵⁶ Там же, л. 18, 23, об. (Резолюция к докладу губернского правления).
- ⁵⁷ ГААО, ф. 4, оп. 10, т. 2, д. 2425, л. 12—13 (Журнал губернского правления).
- ⁵⁸ Там же, ф. 4, оп. 10, д. 68, л. 1, 3.
- ⁵⁹ Там же, ф. 4, оп. 10, д. 110, л. 6 (Журнал Архангельского губернского правления).
- ⁶⁰ Там же, ф. 4, оп. 10, т. 1, д. 146, л. 22, 39, 40, 47 (Рапорты уездных исправников).
- ⁶¹ Там же, л. 55.
- ⁶² Там же, ф. 4, оп. 10, д. 109, л. 1 (Указ Архангельского губернского правления).
- ⁶³ Там же, ф. 4, оп. 10, д. 156, л. 5 (Прошение Либермана).
- ⁶⁴ Там же, л. 9.
- ⁶⁵ Там же, л. 12.
- ⁶⁶ ГААО, ф. 4, оп. 10, т. 1, д. 191, л. 2, 4.
- ⁶⁷ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 586, л. 2, 21.
- ⁶⁸ Там же, ф. 37, оп. 1, д. 3853 (Договор с архангельским раввином).
- ⁶⁹ Там же, ф. 37, оп. 1, д. 4121, л. 460.

-
- ⁷⁰ ГАВО, ф. 130, оп. 1, д. 758, л. 78 (Указ Вологодского губернского правления).
- ⁷¹ Там же, ф. 130, оп. 1, д. 1002, л. 20.
- ⁷² Там же, ф. 14, оп. 1, д. 6349, л. 2.
- ⁷³ Там же, ф. 2, оп. 50, д. 52/39, л. 1—2.
- ⁷⁴ Там же, ф. 2, оп. 21, д. 43/394, л. 1 (Прошение Лейбы Парийского).
- ⁷⁵ Там же, ф. 2, оп. 50, д. 55/14, л. 3.
- ⁷⁶ Там же, л. 4-4, об.
- ⁷⁷ Там же, ф. 2, оп. 50, д. 64/20, л. 5, об. (Журнал Олонецкого губернского правления).